

Александр Романович Беляев

Нетленный мир

Нетленный мир
Александр Романович Беляев
Александр Беляев
Нетленный мир

Началось с простокваши. Даже не с простокваши, а с молока, которое почему – то не захотело скиснуть.

Павел Иванович Симов, учитель школы при совхозе “Заря”, пригласил своего приятеля, молодого рабочего совхоза Зиновия Лукьянова, которого он называл “Зиночкой”, прийти в воскресенье на обед.

– Простокваша будет! – (Зиночка был большой любитель простокваши.)

Однако полакомиться простоквашей не удалось: молоко не скисло. Жена Симова, Ольга Семеновна, была смущена, выслушивая упрек мужа.

– Ну как же это ты так? – говорил Симов. – Наверно, не поставила вовремя?

– Со вчерашнего дня стоит, – оправдывалась Ольга Семеновна. – Лето, время жаркое. Обыкновенно, если с утра поставлю, так к обеду уже скиснет, а тут, как нарочно...

– Может быть, ты кусок сахара туда бросила, в молоко? Если сахар бросить, то молоко не скисает, – пояснил Симов, обращаясь к Зиновию. – Делать нечего, давай молоко выпьем, которое скиснуть не захотело. – И уже сделав, несколько глотков, Симов сказал, покачав головой: – Действительно странно. Стоит чуть не сутки – и совершенно свежее, сладкое, будто сейчас из – под коровы.

– Говорят, молоко в грозу быстро скисает, – промолвил Зиновий, поддерживая разговор. Завязалась беседа. Озабоченная Ольга Семеновна ушла в кухню. Через некоторое время она явилась возбужденная.

– Ну вот, ты меня обвинял, – сказала она мужу. – Я была у Марии, они тоже всегда простоквашу делают, и Мария Ивановна сказала, что и у нее молоко не скисло, и у Аннушки тоже.

– Форменная молочная забастовка, – смеясь сказал Симов.

В это время мимо веранды, где они сидели, прошел сыровар Гриневич.

– Адольфу Ивановичу почтение! – крикнул Симов. – Слыхали новость – молоко не киснет? Как у вас с сыром?

– Ничего не выходит! – ответил сыровар на ходу. – Наверно, наши коровы какой –нибудь травы поели, которая изменила состав молока, – и он ушел походкой занятого человека.

– В самом деле, удивительно, – задумчиво промолвил Симов. – Зиночка, а ты не поможешь ли мне закопать тушу моего павшего мерина? – И, закашлявшись (Симов был туберкулезный), он продолжал: – Кожу я вчера снял, а туша валяется второй день. Наверно, сейчас к ней подойти нельзя – вонь такая. Как бы не оштрафовали меня.

Зиночка охотно согласился. Он сегодня был свободен. Захватив лопаты, друзья отправились в путь.

Труп лошади лежал в канаве, у опушки леса. Красная ободранная туша виднелась издали. Рой мух кружился над ней. Симов уже заранее морщил нос, – однако он ошибся. От туши не несло ни малейшим запахом гниения. Друзья подошли ближе, посмотрели, понюхали. Туша не имела никаких следов разложения.

– Не гниет ваш конь, – сказал Зиночка.

– Да, странно, – отозвался Симов. – Ну, что же, тем лучше. А закопать все – таки надо.

И они принялись за работу.

На обратном пути они опять встретились с сыроваром и узнали от него новости: не только молоко, но и пиво, и вино отказывались скисать. На уксусном заводе приостановилась работа: из пивного уксусного затора не получалась уксусная кислота.

– Сейчас наши химики работают, делают анализы, хотят понять, в чем дело, но пока не понимают.

– И мясо не гниет, – поделился Симов своими впечатлениями.

– Да, и мясо не гниет, – ответил сыровар. – Многие уже обратили на это внимание. До свидания. Спешу в сыроварню.

– Павел Иванович, – обратился Зиночка к учителю, – вы все знаете, что же это такое значит? Отчего все это может произойти?

– Друг мой, я далеко не все знаю. Ты слышал, даже химики еще ничего не понимают. Надо подумать.

И, когда они расстались, Симов начал “придумывать”, но ничего не придумал. Вечером отправился в клуб узнать новости. А новостей было немало. Симов едва пробрался сквозь толпу, наполнявшую комнату, к самой трубе громкоговорителя и замер. Низкий голос картонного тембра “чрево вещал” об изумительных вещах, которые произошли во всем мире. Симов узнал, что не только молоко, во и все продукты, которые могли скисать, не скисали (вино, пиво, тесто с дрожжами). Но что особенно было удивительно: мясо всюду перестало гнить.

– В чем же дело? – не удержался Симов и громко спросил черный рупор: – Воздух, что ли, изменился?..

А рупор продолжал мучить Симова неразгаданными загадками:

“При моче льна, конопли и других прядильных растений из клеточной ткани уже не выделяются тонкие лубяные волокна”...

– Ну и что же? – спросил кто – то. На него зашикали. Рупор продолжал:

“Из Бомбея сообщают, что вспыхнувшая там эпидемия чумы неожиданно оборвалась”...

“В Софии, в Болгарии, так же неожиданно прекратилась эпидемия брюшного тифа, а в Англии – гриппа. Туберкулезные всего мира идут гигантскими шагами к полному выздоровлению”...

– Так вот почему мне стало легче. Я знаю, в чем дело! – закричал вдруг Симов, стараясь перекрыть рупор. – Мир избавился от бактерий.

Да, это было так. И следом за Симовым рупор сказал то же самое.

Для всех, знакомых с работой бактерий, это было ясно с первого же момента.

Если молоко не киснет, мясо не гниет, уксусный затор не превращается в уксус, то ясно, что прекратилась деятельность бактерий, производившая всю эту работу. Прекращение эпидемий и быстрое выздоровление заразных больных объяснялось тою же причиной. Бактериологические исследования вполне подтвердили это предположение. Ученые – бактериологи с разных концов мира сообщали друг другу и газетам одну и ту же весть: все бактерии исчезли.

Мир избавился от невидимых существ, наполнивших собою воздух, землю и воду

Первым чувством, когда об этом узнал Симов, была радость, безмерная радость больного, почти обреченного человека, который вдруг исцелился! И, не слушая дальше, о чем говорил громкоговоритель, Симов вышел из клуба.

“Так вот отчего мне так легко дышится со вчерашнего дня и я почти не кашляю” – думал он.

– А, Зиновья! Иди сюда! – крикнул Симов, увидав Лукьянова, который спешил в клуб. – Новости! Отличные новости. И знаешь, я – таки сам отгадал, отчего все это произошло. Честное слово, сам, прежде, чем сказал рупор. Понимаешь ли, Зиновья, – и как это мне раньше в голову не пришло? – на свете перемерли все бактерии. Все до единой отправились к чертовой прабабушке.

– А отчего они перемерли? – спросил Зиновья.

– Да не все ли равно, отчего? Главное то, что нет больше чумы, холеры, тифа, туберкулеза, испанки и прочей дряни. Ты понимаешь, Зиновья, я теперь совершенно здоровый, абсолютно здоровый человек. В моем теле нет ни одной туберкулезной палочки. Нет больше заразных болезней, нет больше чумы и сибирской язвы! Нет болезней, нет и гниения. Это значит, Зиновья, что мы сможем пересылать рыбу из Каспия в Москву, из Архангельска в Калугу в обыкновенных товарных вагонах, и она не будет портиться.

– И трупы людей не будут портиться? – спросил Зиновья.

– Ну, конечно.

– Куда же они денутся?

– Куда? Закопаем, – ответил Симов.

– И простокваши никогда есть больше не будем? – со вздохом спросил Зиновья.

– Экая беда! – ответил Симов. – Без простоквашу и без сыру жить можно. Проживем и без уксусу: а что вино да пиво не будет скисать, так это даже лучше. Зато здоровье! Долголетие! Нет больше страха заразиться. Можно есть немытые фрукты, не боясь схватить дизентерию. Больше того, когда мы умрем, наши тела не будут тлеть. Не одним же телам фараонов после смерти переживать века! Да что там фараоны, сухие мумии, почерневшие куклы! После смерти мы

будем лежать бесконечно долгое время свежими, как сорванное яблочко. Мир стал нетленным! Да здравствует жизнь без бактерий!...

Если для Симова было безразлично, почему вдруг перемерли все бактерии, то это не было безразлично ученым, и они усиленно работали над разрешением задачи. Было высказано много гипотез. Наиболее правдоподобной считалась следующая. Так как бактерии уничтожены решительно во всем мире – в воздухе, в воде, на земле и в недрах земли, – приходится прийти к выводу, что их погубила какая – то вредоносная сила, наполнившая мгновенно и одновременно всю толщу земного шара с его воздушной оболочкой; но какая это могла быть сила? Допустим, что земля прошла через небесные пространства, наполненные каким – нибудь особым, неведомым нам газом, который явился убийственным только для бактерий. Такой газ, однако, едва ли мог проникнуть в глубины почвы и воды. Исследования же показали, что анаэробные бактерии[1 - Бактерии, которые могут жить без кислорода.] были убиты и в местах, недоступных воздуху. Поэтому приходится допустить, что причиной уничтожения бактерий были не химические воздействия, а физические. Быть может, до Земли достигли с отдаленнейших глубин мирового пространства какие – нибудь ультракороткие лучи, вроде лучей Милликена, которые и поразили насмерть все бактерии. Правда, ни один точный инструмент не мог уловить этих лучей, но это не могло служить доказательством того, что лучей нет. Ведь и космические лучи Милликена не были известны человечеству до самого последнего времени.

Так бактерии погибли, сожженные неведомыми ультракороткими лучами, совершенно безвредными не только для высших животных и человека, но и для мельчайших насекомых. Только микроскопические существа, населявшие нашу планету, пали жертвой этих лучей.

Дальнейшие изыскания ученых продолжались, а жизнь шла своим новым, “нетленным” путем, и с каждым годом изменялось лицо Земли. Симов, совершенно оправившийся от своей болезни, и Зиновий осенью ходили на охоту и, бродя по окрестностям, могли наблюдать эти изменения. Опавшие листья устилали землю толстым ковром. Они больше не гнили, так же как ветки и сломанные бурями

сучья. Лесная почва засорялась древесными отбросами, которые затрудняли доступ к корням воздуха и влаги и мешали обсеменению. Травы желтели, сохли, но не гнили. Сквозь прозрачную осеннюю воду рек и прудов видно было дно и на дне прекрасный разноцветный, нетленный, толстый ковер опавших листьев, а на этом ковре целое кладбище: мертвые рыбы и лягушки. Правда, часть мертвецов тут же пожиралась живыми, но немало трупов оставалось нетронутыми. Всюду по полям и лесам валялись дохлые вороны, трупы кошек, собак. Не было больше могильщиков – бактерий, которые быстро превращали трупы в простейшие химические элементы.

Кладбища в больших городах не могли уже принимать новые трупы на место истлевших в могилах. Все трупы были нетленны. Спешно строились крематории, но их работа требовала топлива, а его приходилось экономить. Потребности в топливе, как и в пище, увеличивались необычайно быстро: с тех пор как исчезли заразные болезни, прирост населения увеличивался неудержимо. Источники же питания, наоборот, быстро иссякали. В почву больше не поступали продукты гниения – аммиак и азот. Без этого удобрения почва с каждым годом истощалась, урожаи падали. Старые леса гибли, заваленные буреломом, новые не подрастали, так как тот же бурелом препятствовал обсеменению и росту. Ученые выбивались из сил, работая над тем, чтобы изобрести поскорее средства, которые могли бы хоть в небольшой степени заменить работу бактерий, но похвалиться удачами нельзя было. То, что бактерии делали быстро и незаметно, приходилось достигать дорогой ценою и слишком медленно. Увы, мир потерял не только вредоносных бактерий, уничтожения которых никто не оплакивал, но и полезных незаменимых работников – армию невидимых тружеников, которые день и ночь непрерывно перерабатывали бесполезные мертвые ткани в полезные химические вещества, возвращали жизни то, что брала смерть.

Будущее человечества и всего живого на Земле представлялось в самых мрачных красках.

Круговорот веществ был нарушен. То, что умирало, становилось нетленным и этим самым связывало навсегда вещества, необходимые для постройки новых живых клеток. Смерть как бы безвозвратно

уносила часть жизни, и эта жизнь лежала мертвой, связанной навеки, как связаны химические соединения в камнях. Сырой материал для живой протоплазмы – аммиак и азот – больше не получался из белковых соединений трупов.

Правда, в новом порядке вещей были и некоторые выгоды: мясо больше не портилось. Симов и Лукьянов осенью настреляли горы уток, и они пролежали весь год на солнцепеке и не испортились. Но эти небольшие выгоды не искупались большими потерями. Через несколько лет уже нельзя было пройти по лесу – горы листьев, веток и сучьев поднимались почти до вершины. Леса глохли, деревья засыхали. Почва истощалась и почти не давала урожая. Искусственного удобрения не хватало. Люди уже голодали, а впереди была голодная смерть. Не было больше заразных болезней, но появились новые, неведомые ранее болезни. Люди, даже питавшиеся относительно хорошо, как – то чахли, теряли силы, истощались. Врачи полагали, что это зависело от того, что в организме людей, в их желудке и кишках, не было больше бактерий, которые выполняли очень важную и полезную роль. Организму чего – то не хватало. Пища в желудке не переваривалась так, как надо, не претерпевала тех изменений, которые делали ее особенно полезной для организма. Симов вновь почувствовал себя больным, хворала и его жена. Даже Зиночка, и тот жаловался на недомогание.

– Павел Иванович, – говорил он, – плохо без простокваши!

– Да, друг мой, – отвечал Симов. – Я маленько того, ошибся, недоучел.

– Какое уж тут маленько, – ворчала жена Симова. – Скоро все ноги протянем.

Пруды и реки все больше мелели. Рыбам и лягушкам тоже чего – то не хватало – они вымирали. Часто можно было видеть на поверхности пруда десятки и сотни мертвых рыб. Они всплывали и потом опускались, устилая дно слой за слоем. Люди пробовали есть этих рыб. На вид они были совершенно свежими, но так как рыбы погибали от какой – то болезни, то здоровой эту пищу нельзя было назвать. В ней чего – то не хватало, она не поддерживала сил. И на мертвых рыб больше не обращали внимания.

Странный вид представляли высохшие пруды. Они были полны доверху листьями, мертвыми рыбами и лягушками, как будто их кто – то собрал и бросил в яму. Птицы растаскивали эти трупы, устилая, в свою очередь, своими трупами берега рек и прудов.

– Пройдет еще несколько лет – и вся земля покроется трупами, – сказал Симов, – кроме тех, которых сжигают, но это капля в море.

– А что ученые говорят, Павел Иванович, чем это кончится?

– Ученые не знают, отчего перемерли бактерии. А уж воскресить их тем более не могут. Плохо!

И вот, когда люди дошли почти до полного отчаяния, неведомо откуда была получена радиотелеграмма:

“Слушайте! Говорит Тридон. Сумасшедший, так называли вы меня. Знайте же, все микробы убил я. Я решил сделать мир нетленным. Пусть умрет все живое – так я решил. Но я уже передумал. Я изобрел аппарат, излучающий электроволны самой короткой длины. Эти волны убивают бактерии. Волны излучены мною в пространство, и они наполнили собою весь мир. Настоящие, живые бактерии имеются только у меня. Я могу продать их вам по сходной цене.

У меня есть рассадник бактерий, – сообщал далее Тридон. – Я сохранил их от смерти в особых сосудах, не пропускающих колебаний электроволн. Из этих сосудов я и могу выпустить бактерии на волю, если торг состоится. А торг должен состояться, иначе все люди погибнут без бактерий. Я решил вернуть миру бактерии не из жалости. Для моих опытов мне понадобилось золото. Груды золота. И я решил продать бактерии. Но вы не пытайтесь обмануть меня, иначе вы погибнете. Ответ пришлите на радиоволне длиной в два сантиметра, не позже суток. Тридон”.

Такова была телеграмма, взволновавшая весь мир.

Тридон однажды, с десятков лет тому назад, уже заставил волноваться человечество. Талантливый, даже гениальный французский ученый, бактериолог, заболел психическим расстройством. Он вообразил, что миру угрожает опасность скорого перенаселения и решил “облагодетельствовать” человечество, уменьшив население земного шара страшной эпидемией, которую он пытался вызвать при помощи особой бактерии, выращенной им в лаборатории. Тридона вовремя посадили в сумасшедший дом, но ему

удалось бежать. “Сумасшедший еще напомним о себе”, – оставил он записку. И вот теперь Тридон напоминал о себе.

Совещания правительств были непродолжительны. Вопрос сводился только к проверке того, не мистификация ли эта телеграмма. Но Тридон предвидел эти сомнения и в следующей телеграмме сообщил:

“Мой представитель в Берлине рассеял в воздухе уксусную бактерию. Весь остаток сегодняшнего дня, до двенадцати часов ночи, уксусная бактерия будет производить свое специфическое действие. В двенадцать ночи я излучу электроколебания, которые убьют уксусную бактерию, выпущенную на волю. Проверьте. Тридон”.

Тридон оказался прав. Бактериологи Берлина обнаружили живые уксусные бактерии в вине, пиве и других жидкостях. Уксусный затор довольно быстро превращался в уксус. Но все эти процессы приостановились ровно в двенадцать часов ночи. Неуловимые электроколебания убили уксусные бактерии, которые уже успели распространиться с удивительной быстротой в продолжение нескольких часов. Сомневаться не приходилось: Тридон владеет бактериями и может вернуть их миру, если только государства согласятся на его условия. Тайное совещание постановило: требование Тридона удовлетворить, в место, которое он укажет, доставить требуемую сумму золотом, а затем, когда бактерии наполнят мир, начать поиски Тридона, чтобы арестовать его и обезвредить, так как от этого сумасшедшего всего можно ожидать.

Когда Тридон получил ответ на свое предложение, он телеграфировал:

“Я мог бы немедленно вернуть миру бактерии, но это было бы опасно: на поверхности земного шара и в водоемах набралось слишком большое количество материала для гниения. Люди задохнутся, в зловониях, если не позаботятся об уборке продуктов гниения, по крайней мере, вблизи человеческого жилья. Тридон”.

Убрать быстро все эти миллионы тонн мяса и древесины было невозможно. Люди ограничивались тем, что отвозили падаль дальше от жилья, а из мест, где падали было слишком много, уходили с семьями и скарбом в другие места. Часть трупов сжигали или закапывали.

И вот настал день, когда Тридон телеграфировал:

“Сегодня выпускаю бактерии на волю. Но предупреждаю, я выпущу их всех: вредных и полезных – работников и убийц. Боритесь с ними сами, если можете. Тридон”.

Никакие просьбы не выпускать бактерий, возбуждающих болезни, не помогли. Тридон выпустил их всех.

Бактерии распространились по земной поверхности, в воздухе и воде с необычайной быстротой. Все трупы как бы ожили. Начался великий процесс разложения “связанных” белковых соединений на аммиак и азот.

Для людей это были радостные и вместе с тем тяжкие дни. Нетленный мир превращался в тленный. Круговорот веществ начался вновь. Неутомимые работники – бактерии принялись за свою обычную работу. Смерть несла за собою расцвет жизни. Но пока нелегко было на земле. Волна эпидемий прокатилась по всему земному шару. В тропических странах задыхались от зловоний и недостатка кислорода целые племена туземцев, не поверивших в скорое наступление гниения трупов и не пожелавших оставить свои насиженные места. Но и в городах было нелегко. Люди ходили в противогазовых масках. Многие переселились на высокие горы. Иные спасались в газоубежищах.

Наконец пожар гниения начал угасать. Воздух очищался с каждым днем.

Прошло еще несколько недель, и на месте гор падали лежали уже горы, правда значительно меньших размеров, великолепного азотистого удобрения.

Это удобрение развозилось по полям. Наступили годы небывалых урожаев. На перегное выросли новые густые леса и высокие сочные травы.

Животные и люди пополнили и окрепли. Эпидемии быстро пошли на убыль.

Хорошо упитанный Симов уже не кашлял. Болезнь не возвращалась к нему. Встретив своего приятеля Лукьянова, Симов сказал:

– Приходи, Зиночка, ко мне завтра к обеду, будем простоквашу есть. Молочнокислые бактерии потрудились на славу и приготовили

отличную простоквашу.

notes

Примечания

1

Бактерии, которые могут жить без кислорода.